

храме Эанна к концу VI в. до н.э. большинство хозяйственных текстов стали писать на вощеных табличках, о чем имеются и документальные данные.

В заключение отметим, что ассириологи будут признательны Э. Гелькену за его образцовую публикацию вавилонских текстов и с большим интересом будут ждать выхода в свет следующих томов предпринятого им проекта.

М.А. Дандамаев

© 1999 г.

R.N. FRYE. The Heritage of Central Asia. From Antiquity to the Turkish Expansion. Princeton: Marcus Wiener Publishers, 1996. 264 p.

Написать общую историю древней Средней Азии – задача, сложнее которой, наверное, трудно найти в науке о древности. Сложность ее заключается и в чрезвычайной пестроте разнородных и разноязыких источников, и в лакунах источникового материала, и в том, что сами наши знания о далеком прошлом Средней Азии еще совсем не устоялись – новые находки и новые идеи часто заставляют существенно изменять наши представления об этом прошлом. Понятно, что за такую задачу может взяться лишь специалист очень высокого уровня, каким и является Ричард Н. Фрай, один из крупнейших современных иранистов-историков, отличающийся огромной эрудицией и многогранностью интересов. Суждения, высказанные таким ученым, нельзя не принимать во внимание даже и в том случае, если они не сопровождаются детальной аргументацией.

Среди многочисленных работ Р.Н. Фрая есть и обобщающие труды, посвященные древней истории Ирана; один из них переведен на русский язык¹. Уже в этих трудах фактически дан и общий обзор древней истории Средней Азии. И это не случайно, как не случайно и то, что за написание древней истории Средней Азии взялся иранист. Во «Введении» к рецензируемой книге Р.Н. Фрай говорит, что перед тем, как писать историю, нужно определить рамки темы: будут ли это рамки политических или географических общностей, или этнолингвистических групп. Сам он предпочитает взять за основу последние. Таким образом, его труд является историей древних ираноязычных народов восточной части иранского мира, поскольку именно они и населяли Среднюю Азию в древности (с. 3). Но здесь же он справедливо замечает, что наследниками древней культуры Средней Азии являются как современные ираноязычные ее народы, так и тюркоязычные, имеющие корни и в Средней Азии, и в степях Внутренней Азии. В качестве аналогии он приводит историческую судьбу современных турок, также являющихся наследниками и древней культуры Анатолии, и своих языковых предков, обитавших на Алтае (с. 4). Соответственно Р.Н. Фрай определяет географические и хронологические рамки своей работы, которая представляет собой, в сущности, органическое продолжение его обобщающих трудов по древней истории Ирана. Под Средней (Central) Азией автор понимает в данной книге страны по обе стороны Амударьи и Сырдарьи и оазисы Синьцзяна по краям пустыни Такламакан. А история этого региона рассмотрена вплоть до подъема Саманидов – последней иранской династии и последовавшего затем установления тюркского правления в XI в. (с. 5).

Первая глава книги – «Географические реалии» (с. 11–27). Историю обширного региона от Ирана до Ганьсу автор справедливо определяет как историю, в первую очередь, больших и малых оазисов (с. 13). Далее автор говорит о своеобразии географических условий и Средней Азии в целом, и отдельных ее частей, во многом обусловившем ход исторического развития этих мест. Заметим, что Бактрия здесь у Р.Н. Фрая, как, впрочем, и в предшествующих его работах, – страна в бассейне верховьев Амударьи, не столько разделяющей, сколько объединяющей земли между Гиндукушем на юге и Гиссарским хребтом на севере, а Согдиана – области в основном в долинах Зеравшана и Кашкадарьи, горный же проход «Железные ворота» в Гиссарском хребте, находясь на рубеже той и другой страны, соединяет их (с. 17, 21–23). Я уже

¹ Frye R. The Heritage of Persia. Cleveland – New York, 1963 (рус. пер.: Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972); *idem*. The History of Ancient Iran. München, 1983.

имел возможность обратить внимание на то, что именно такое определение территории Бактрии и Согдианы более всего отвечает данным источников².

Вторая и третья главы книги – «Народы, языки, обычаи и верования» (с. 29–49) и «Перед историей» (с. 51–63) во многом посвящены одним и тем же вопросам. Автор говорит о проблемах изучения прошлого, не имеющих письменных свидетельств. Одна из таких проблем, давно уже занимающая ученых, – объяснение кризиса городской (или протогородской) культуры в Средней Азии около 1800–1700 гг. до н.э., синхронного подобным явлениям в Индии и Месопотамии (с. 53–59). Многие умозрительные построения, весьма сложные и абстрактные, призванные объяснить этот процесс, исходя из внутренних закономерностей, создают впечатление, что появляются такие гипотезы как раз благодаря недостатку или даже полному отсутствию (для Средней Азии и Индии) письменных источников, так как аналогичные процессы, происходившие уже при их наличии, явно обозначают непосредственной своей причиной одно – экспансию степных или горных (пастушеских, кочевых) племен с примитивной общественной структурой. Поэтому трудно не согласиться с автором, склоняющимся к тому, чтобы видеть причину указанных явлений в инвазиях, бывших результатом миграций (с. 54, ср. с. 57 и 60). Для Средней Азии в древности – это главным образом миграции индоевропейских племен.

Очень интересен содержащийся в данных главах обзор основных проблем этнической истории древней Средней Азии. Подобный обзор пытался недавно проделать и автор данной рецензии³, которому особенно приятно отметить, что наши выводы в основном совпадают.

Конечно, есть достаточно оснований считать, что люди, говорящие на языках брагуи и бурушаски, – прямые потомки древнейшего, доиндоевропейского населения Средней Азии (с. 31 сл.). Ссылаясь далее на работу Я. Харматты⁴, автор отмечает (воздерживаясь от собственного решения), что названный ученый увязывает первых (брагуи) с древнейшими земледельческими культурами Средней Азии, создателями которых были как будто протодравиды, а вторых (бурушаски) – с гиссарской культурой (с. 60 сл.). И это совпадает с принятыми мною выводами в упомянутом обзоре, хотя работа Я. Харматты при его написании была мне еще недоступна. Наличие же среди древнейшего населения Средней Азии алародийского (восточнокавказского) этноса, представителями которого являются хурриты, урарты, маннеи (с. 32, 61), кажется мне чрезвычайно маловероятным. Что касается кельтеминарской культуры (с. 60, 61), то она определенно связана с уральским этногенезом.

Совершенно оправдан, мне кажется, скептицизм, с которым автор отзывается о недавно выдвинутых теориях относительно прародины индоевропейцев в Анатолии (Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов) или в Ганьсу (А.К. Нарайн), считая, что представление о таковой как находящейся в южнорусских и казахстанских степях остается наиболее правдоподобным (с. 35). Вполне убедительны соображения автора о «тохарах» (центральноазиатских индоевропейцах группы *sentum*) как первых индоевропейцах, продвинувшихся далеко на юг и восток еще до распространения индоиранцев в тех же направлениях; понятна и весьма осторожная позиция по отношению к предполагаемым «тохарам» Передней Азии (с. 35 сл., 57 сл.). Мне кажется, что единственными претендентами на роль древнейших предков «тохаров» могут считаться ныне лишь носители афанасьевской культуры⁵. Они, очевидно, и принесли в Центральную Азию как северный (светлопигментированный) европеоидный физический тип, так и индоевропейский язык группы *sentum*, – то и другое наследие сохранялось там вплоть до раннего средневековья.

Признавать андроновскую культуру наследием древнейших индоиранцев и, в частности, иранцев (с. 39 сл., 60–62) – теперь фактически общепринято. Но индоиранская и даже вообще индоевропейская принадлежность карасукской культуры (с. 39, 40, 60) кажется мне весьма проблематичной⁶.

В этом же разделе затронуты – по необходимости бегло – такие интереснейшие вопросы, как организация власти и харизма властителя у оседлого и кочевого населения (с. 41–45), кочевническое искусство (с. 45 сл.), отношения центра и периферии (с. 46 сл.).

В четвертой главе – «Зороастров культ» (с. 65–74) речь идет о религиозной среде, в которой

² Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 17–54. См. работы последних лет на ту же тему: *Rivetadze E.V. On the Historical Geography of Bactria – Tokharistan // Silk Road Art and Archaeology. I. Kamakura, 1990. P. 4–11; Rakhmanov S.A. The Wall between Bactria and Sogd // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. SPb., 1994. P. 75–78.*

³ Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // *Восток. 1995. № 6. С. 27–46.*

⁴ *History of Civilizations of Central Asia. V. I. P., 1992. P. 371.*

⁵ Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии // *ВДИ. 1994. № 4. С. 206.*

⁶ *Он же. Некоторые вопросы... С. 35 сл.*

возник зороастризм, о духовном вкладе самого Зороастра как основателя новой религии, о зороастрийской традиции. Совершенно прав автор, когда говорит, что важнейшая проблема при определении фактов истории религии заключается в отборе наиболее правдоподобной традиции (с. 69). Только при опоре на критически выверенную традицию, мне кажется, и можно вести работу в этой области. Автор считает общепризнанным, что местом жизни пророка был Восточный Иран, включая Афганистан и Узбекистан – Таджикистан, и склонен теперь полагать, что основная его проповедническая деятельность протекала в Бактрии (с. 68). В данном случае наблюдается определенная эволюция во взглядах Р.Н. Фрая, и мне, опять-таки, приятно отметить, что последнее заключение известного ираниста относительно места жизни и деятельности Зороастра полностью совпадает с моим, высказанным в статье, которая вышла одновременно с рецензируемой книгой⁷. Что касается времени жизни пророка, то автор, видимо, считает более приемлемой дату ближе к 1000 г. до н.э., чем ко времени возникновения Ахеменидской империи, в силу архаичности языка и общества Авесты (с. 69). Но этот аргумент мне кажется несостоятельным: ведь в Средней Азии и в ахеменидскую эпоху уклад жизни был достаточно архаичным и еще ко времени походов Александра Македонского мало чем отличался от «авестийского».

Пятая глава – «Ахеменидская централизация» (с. 75–96) – много внимания уделяет проблеме доахеменидской государственности в Средней Азии. Здесь можно наблюдать заметные изменения в позиции автора по сравнению с предшествующими его работами. К возможности существования в Средней Азии государств, подобных Мидийскому и одновременных с ним, он относится теперь с большим сомнением. Это касается в первую очередь давно обсуждаемого гипотетичного Хорезмийского царства (с. 79). Но он допускает возможность «некоторой концентрации (amount) централизованной власти в областях с оседлым населением, таких, как Бактрия и оазисы рек Кашка и Зеравшан» (с. 79), некоей конфедерации под бактрийским главенством (с. 85). Известия же источников, ранее толковавшиеся как свидетельства существования древнего Хорезмийского царства, теперь рассматриваются лишь как свидетельства передвижения хорезмийцев из гористых областей юга Средней Азии на север, к низовьям Амударьи, в ахеменидское время (с. 85). Все это вполне соответствует положениям, которые я давно уже высказывал и обосновывал. Должен отметить, что упомянутое передвижение хорезмийцев является лишь частным моментом в общем процессе земледельческой колонизации севера Средней Азии в первой половине I тыс. до н.э., который отражен и в местной традиции, и в археологическом материале⁸.

Немалое внимание автор уделяет также сакам и некоторым связанным с ними новейшим теориям (с. 77, 81–83). Истолкование упоминаний о трех группах саков в древнеперсидских надписях (с. 82 сл.) – в общем, такое же, какое было мною предложено много лет назад⁹. Интересны соображения автора относительно Киресхаты (с. 88 сл., 96)¹⁰. И в этой главе автор рассматривает многие общие вопросы, касающиеся истории Средней Азии ахеменидского времени: характер ахеменидской власти в среднеазиатских сатрапиях, экономические, социальные, культурные условия и т.д. (с. 84–95).

Шестая и седьмая главы – «Александр и наследие эллинизма» (с. 97–108) и «Греко-бактрийцы и парфяне» (с. 109–118) – посвящены, как видно из названий, в основном эллинистической эпохе. По мнению автора, пора идеализации Александра, когда он представлялся провозвестником всеобщего равенства народов в единой мировой империи, прошла; главным критерием для Александра в отношении к окружающим была лояльность к его собственной персоне (с. 102). Может быть, это и так, но все же, мне кажется, нельзя отрицать совершенно явных попыток македонского царя, пусть иногда наивных и грубых, как-то уравнивать и смешать своих соратников с новыми «персидскими» (в широком смысле) подданными. К концу правления Александра и особенно во времена его наследников, как отмечает автор, заметно уже другое отношение к иранцам (с. 102)¹¹. Здесь же автор делает интересное заключение, с которым

⁷ *Он же.* Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. 1996. № 3. С. 10–16. ср. с. 5.

⁸ *Он же.* Некоторые вопросы... С. 31.

⁹ *Он же.* «Саки»: содержание понятия // Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР. Вып. 3 (53). 1968. С. 12–119. См. также *Piankov I.V.* The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. № 5. Vol. 8. 1994/1996. P. 37–46; Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992. С. 13–15.

¹⁰ *Ср. Ryankov I.* Suroopolis // Encyclopaedia Iranica. V. VI. 1993. P. 514 f.

¹¹ См. по этому поводу: *Кошелев Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 181–221.

нельзя не согласиться: на далеком востоке, в Бактрии, влияние греческой культуры оказалось гораздо более мощным, чем в более западных иранских областях (с. 107, 112 сл.)¹².

Восьмая и девятая главы – «Кочевническая интерлюдия» (с. 119–130) и «Забытые Кушаны» (с. 131–150). Эпоха завоевания Средней Азии тохарами и другими кочевниками, известными из китайских источников как юечжи, и оседания их там, действительно является как бы эпохой перехода и в то же время прологом к следующей эпохе – кушанской. То, что это событие не повлекло за собой больших перемен для оседлого населения (с. 129), мне кажется, с большой уверенностью все же сказать нельзя. Но бесспорно, что в кушанскую эпоху Средняя Азия достигла очень высокого уровня развития (с. 139 сл.). К сожалению, кушанская хронология до сих пор остается неопределенной, хотя недавно открытая бактрийская надпись, содержащая родословную Канишки (его отец – Вима Кадфис, дед – Вима Такту = Soter Megas, прадед – Куджула Кадфис) (с. 135), видимо, внесет в нее большую ясность.

О содержании следующих глав можно судить по их названиям: «Шелковый путь» (с. 151–157), «Буддийский восток» (с. 159–166), «Возвращение кочевников» (с. 167–182), «Купеческий мир согдийцев» (с. 183–198), «Калифы и каганы» (с. 199–218), «Иранско-исламская ойкумена» (с. 219–232), «Настоящее рождается» (с. 233–239).

Книга содержит и ряд приложений: «Литературные источники» (с. 241–242), «Географические названия» (с. 243–245), «Местные правители в Бухаре и Самарканде» (с. 246), «Божества в Согдиане» (с. 247), «Языки Средней Азии» (с. 248–250), «Древняя монетная чеканка в Трансоксиане» (с. 251–252).

Каждая глава сопровождается очень полезными и удобными библиографическими примечаниями: они и содержательны, и компактны. В них обычно имеются указания лишь на последние фундаментальные труды на данную тему, в которых читателю легко найдет сведения о всей предшествующей литературе по интересующей его проблеме. Наличие ценного библиографического аппарата вообще характерно для трудов Р.Н. Фрая.

Думаю, что рецензируемая книга найдет широкую читательскую аудиторию: она будет интересна и читателю, просто интересующемуся прошлым Средней Азии, будет полезна и специалисту.

И.В. Пьянков

¹² Ср. Пьянков. Некоторые вопросы... С. 32–34.

© 1999 г.

The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. XXVIII. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure and Testimonia / By A.L. Boegehold, with Contributions by J. McK. Camp, etc. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1995. XXVIII. 256 p., 10 fig., 23 plates

Американская школа классических исследований в Афинах выпустила в свет очередной, XXVIII том продолжающегося издания «Афинская агора». Появление каждой новой книги из этой серии становится немаловажным событием в изучении античных Афин, вводя в научный обиход ранее неизвестный материал, проливающий свет на ту или иную сторону жизни крупнейшего греческого полиса.

Рассматриваемый том посвящен афинским судебным учреждениям. Судебная практика демократических Афин – тема, в общем достаточно подробно освещенная в историографии¹ (прежде всего следует отметить исследования Монгенса Хансена, внесшего, без преувеличения, огромный вклад в изучение проблем, связанных с судами²). Однако ранее рассмотрение

¹ Последние известные нам работы по данной теме: *Rhodes P.J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 303–319; Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Ibid. S. 321–331.*

² Здесь нет ни необходимости, ни возможности перечислять многочисленные работы М. Хансена об афинской судебной системе. Полное представление о его концепции можно получить из статьи: *Hansen M.H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // The Greek City: from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 215–243.*